

*Хорошая свекровь всегда помнит,
что тоже была невесткой*

**Исповедь свекрови,
или Урок Парацельса**

Роман

**В Е Р А
К О Л О Ч К О В А**

Вера Колочкова

**Исповедь свекрови,
или Урок Парацельса**

«ЭКСМО»

2014

Колочкова В. А.

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса / В. А. Колочкова —
«Эксмо», 2014

Сложно быть матерью взрослого сына. Сложно быть хорошей для всех его жен и подруг – принимать их без строгой оценки, не мешать и одновременно помогать по мере сил. И вообще, нелегко быть идеальной свекровью. Да и просто свекровью... Нужно уметь сохранять баланс, чтобы не переборщить ни с заботой, ни с помощью любимому чаду, ни с умными советами. Ведь недаром говорят, глупая свекровь теряет сына, а умная – обретает дочь. С этой мыслью и живет Александра, стараясь с уважением относиться к выбору своего Лёвы – не вредить ни ему, ни его женщинам, ни себе.

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вера Колочкова

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

*Мы все когда-то начинаем лгать,
Но сколько бы в грядущем и прошедшем
Мы с вами ни обманывали эсеницы,
Есть первая обманутая – мать.*
Евгений Евтушенко

© Колочкова В., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава I

Арина

Электричка резво летела через апрельский полдень, словно радуясь весне. Летим, летим! Расступись, апрель! Стучим колесами, старым железом скребем-играем у пассажиров на нервах! Нет, и впрямь... Куда летим-то? Над лесами, над полями? Даже в окно толком не поглядеть – солнце по глазам бьет... Не в глаза, а именно по глазам, сбоку, наотмашь.

Надо было темные очки с собой прихватить. Сама виновата, не догадалась. Теперь сиди, щурься на солнечную назойливость, усугубляй и без того усугубленные возрастом «гусиные лапки». Бессовестное ты, апрельское солнце, вот что я тебе скажу. Думаешь, все тебе так рады? Ага... Счастливы прям. Особенно в этой переполненной народом дачно-субботней электричке.

Нет, с одной стороны, хорошо, конечно, что весна случилась ранняя и солнечная. Еще и майских праздников не было, а уже первые листочки на деревьях вылупились. Нежная зеленая дымка, едва уловимая, как обещание, как надежда... Красиво, кто бы спорил, но солнце куда спрятать! Расплясалось яркими снопами по вагону. А в снопах пыль – серая, зимняя. Много, много пыли. И мысли в голове тоже пыльные. И все еще зимние. Вялые, раздраженные, авитаминозные.

А с чего им веселыми-то быть, интересно? Если живешь в голоде, холоде да в работе-заботе, и никаких тебе радостей... Только одна радость и выдалась – к Прокоповичам на дачу съездить. Подышать. Отдохнуть. Выспаться. Согреться, наконец.

Хотя, если озвучить ее мысленные стенания, смешно звучит, наверное! Особенно про голод и холод! Ну да, этот самый голод она сама себе и придумала, следуя многолетней привычке, как всякая уважающая себя женщина... Строгая весенняя диета называется. Ничего нельзя. Ни жирного, ни мучного, ни сладкого. Ни-че-го. Понятно, что для организма сплошное вредительство, но похудеть-то к лету все равно хочется! Влезть в любимые белые брючки, рубашечки-маечки, еще трепыхнуть крылышками напоследок... И не беда, что этот «напоследок» из года в год перескакивает, как переходящее красное знамя. Всегда же думается, что именно этот «напоследок» – самый что ни на есть критический. Не в том смысле, что помирать пора, а в том, что круглая пенсионная дата аккурат этой зимой и наступила, черт бы ее побрал... А дальше...

А дальше – не будем о грустном. Тогда о чем бишь она? А, о голоде и холоде. Да, голод сама придумала, потому не обидно. Но относительно холода – это уж извините, господа хорошие, подвиньтесь! Это уже из ряда вон какое коммунальное безобразие! Нет, кому в голову пришло, интересно, чтобы отопление с приходом первых солнечных дней отключать? Они ж только с виду – солнечные! А на ощупь – ой какие обманчиво холодные! И неудобные! И со столбами зимней пыли внутри. Вот и получается, что на фоне голодно-холодного неуютия ничего и не складывается. Ни жизни нормальной, ни работы-заботы. Более того, про всякую работу-заботу даже и думать не хочется! А думать надо, иначе вытолкнут на пенсию, только перья полетят...

А может, бог с ним, и с работой, и с перьями? Нароботалась уже? Много ли ей одной надо? Тем более у сына своя семья, свои заработки... Устала, хватит. Чего-чего, а такого добра, как работа-забота, всегда в ее жизни хватало, ни разу ни с одной синекурой не повезло. А что делать – она тетка ответственная. Родом из уходящей гвардии чиновниц-отличниц, которые лучше борщом для семьи поступятся, чем сданным не вовремя квартальным отчетом.

А голодный желудок так и вымаливает для себя хоть что-нибудь. Не удовлетворила его тертая морковка на завтрак. Где-то в недрах сумки маленькая шоколадка, помнится, болталась... Поискать, что ли? Тем более еще добрых сорок минут в электричке трястись.

Ага, нашлась шоколадка. Радуйтесь, жалкие дутые зернышки, политые коричневой химической патокой, что называю вас таким гордым именем. Хм, шоколадка... А ничего, вкусно с голодухи... Червячка заморить можно. Все как в рекламе. Как там? Съел – и порядок. Заряди мозги. Уступи соблазну, поцелуй меня в пачку. Молоко вдвойне вкусней, если это... Нет, это уже из другой оперы, кажется.

Пока жевала, вспоминала недавний разговор с Катькой Прокопович. Аккурат про весеннее похудание тема была. Злободневно веселая. Любят они с Катькой повеселиться, этого у них не отнимешь.

– Сашк... Ну чего ты опять с собой творишь? Зачем тебе худеть в твоём возрасте?

– А мне в худом виде жить легче, Кать. Сподручнее как-то. Когда ветер по ребрам гуляет, я изнутри музыку слышу.

– Ну, не знаю, как там насчет музыки... А по-моему, это несколько неприлично – встречать пенсию в худобе. Я бы сказала – вызывающе.

– В смысле – вызывающе? Для кого – вызывающе?

– Для общества. Некоторые и к тридцати такой стройности не имеют, а ты перешагнула за полтинник и обнаглела совсем. Совесть надо иметь, Сань.

– Прости, Кать. Прости ты меня, дуру глупую. Капустки квашеной хочш? Почему не хочш?

– Да ладно, не придуривайся, все равно гениальную Чурикову не переиграешь. А если серьезно, Сань... Не понимаю я, зачем себя так мучить? А главное – для кого?

– Для себя, Кать, для себя. Объясняю же. Мне так жить легче. Одиночество лишних килограммов не любит. Для него это дополнительный стресс. А музыку одиночество любит. Вот я сама себя и танцую – под музыку худобы.

– Ага, ага... Но все равно, знаешь... Как-то в нашем возрасте... Худая корова – еще не газель. Вернее, уже не газель. Я вот, например, предпочитаю усредненное состояние.

– Это какое же?

– Ну... Лучше уж быть слегка полноватой газелью, чем худой старой коровенкой.

– Значит, я, по-твоему, худая старая коровенка?

– Нет, не старая... Врать не буду, выглядишь хорошо. Но худая!

– Но коровенка?

– Коровенка!

– А ты, значит, газель?

– А я газель!

– Уточним, толстая газель!

– Не толстая, а слегка полноватая!

– Ладно, на этом давай и сойдемся... Я коровенка, а ты газель. Только слегка полноватая. Хм... А ты вообще видела когда-нибудь полноватую газель? Я, например, не видела.

– Да уж, Сань. Любишь ты утешить, однако.

– И ты...

Хорошо с ней, с Катькой. И на даче у них, у Прокоповичей, тоже хорошо. Коля, Катькин муж, с утра печь истопил, наверное. В доме тепло, уютно. Или баньку... Он всегда к ее приезду баньку топит. Хороший Коля. Замечательный Коля, Катькин муж. Скорей бы уже приехать!

Расслабилась, доверчиво повернулась к окну. Да что ж такое, опять солнце резануло наотмашь! До слез! Какие ж вы назойливые, солнечные весенние радости! Вон, выбирайте для нахальства молодые лица, на них и пляшите! А ей – зачем... Чтобы из глаз лишнюю слезинку выколотить? И без нее, без лишней слезинки понятно, что жизнь уходит...

Опять! Нет, нет, не надо в грустное уплывать. Ну уходит жизнь, и что? У всех по большому счету уходит. Да вон, полный вагон таких, как она, если в лица взглядеться. Все тетки после пятидесяти, ни одного молодого лица нет. Кого из молодых загонишь в субботу на дачу,

грядки копать? Нет, молодые в воскресенье на дачи подтянутся, к обеду, на уик-энды с шашлыками. А в субботу – одни тетки с грустными лицами, с прищуром на солнце. Вон та, например, что наискосок сидит. Явная озверелая дачница. Так бережно прижимает котомку с рассадой к пухлому животу, будто из той рассады молодильные яблоки вырастут. Или золотые монеты, как в сказке про Буратино.

Или вон та... Хотя и налегке едет, но тоже видно, что дачница, только ленивая. Наверняка на своем участке один худосочный газончик организовала и радуется, и думает про себя – видали мы ваши плебейские грядки с морковкой! Мы ж не такие, мы желаем свежий воздух к интеллигентской лености присовокупить, чтобы как в старые добрые времена...

Да, тетки разные. Но взгляд в окно у всех одинаковый, задумчиво пронзительный, направленный внутрь себя, в накопленную и грустно не востребованную мудрость прожитых женских лет. Взгляд одиночества, в общем. Да, да, именно одиночества. Не обязательно реально имеющегося, скорее внутренне фатально сложившегося. Потому что каждый приходит к старости под руку с одиночеством. А что делать? Так положено. Человек рождается в одиночестве и умирает в одиночестве. А пляски акушерок в роддоме и плачущих родственников у одра – это всего лишь зрительный зал, отделенный от самого процесса светом рампы.

Фу ты, да что такое? Почему ее сегодня на грустное тянет? Хотя почему же грустное? Отнюдь не грустное. Философское, скорее. Если еще раз пробежать взглядом по женским лицам... Все, все по сути одинаковые. На всех читается калька-судьба, безмятежно-счастливых нет и в помине. Одиночество, проблемы с выросшими детьми, безденежье-безмужье... Да и «мужье» тоже выражение лица не шибко меняет. Некоторые тетки, бывает, очень любят обрывать свое одиночество в одежды счастливого замужества, да только получается еще жалче. Потому что природу не обманешь. Потому что старость – это честный союз с одиночеством. Чем выше годами к небу, тем больше сужается круг...

Хотя вдвоем идти к духовному одиночеству все же легче, кто спорит. Даже в физическом смысле не так страшно – это относительно пресловутого стакана воды. От детей-то водички фиг дождешься, чего уж... Да, вдвоем легче, но не всякому такое счастье удастся. Вернее, не всякой. Потому что тетки дольше живут. Тянут свое одиночество годами, как воз... Кому легче, кому тяжелее. Исходя из той вариации, как это одиночество в свое время образовалось. Например, вдовы. У них лица, как правило, исполнены величайшим достоинством, чуть надменные, гордо-скорбные. А у тех, которым стать вдовами не повезло (прости, господи, за кощунство!), которые обыкновенные брошенки, те несут свои постаревшие лица немного стыдливо, немного с заискиванием, с припыленностью-примятостью, как забытое старое пальто на антресолях... Взять хотя бы вон ту тетку, пристроившую в ногах огромный рюкзак. Сидит, улыбается. Зачем улыбается, кому? На всякий случай, в пространство, вдруг пригодится? Извините, что я тут с вами в одной электричке еду? Да уж... Хотя, по сути, это всего лишь оттенки...

Хм. Оттенки. Вспомнила и сразу заулыбалась невольно. Слово-то какое нынче модно-громкое стало. Раньше было просто слово, а теперь его и в мыслях произнести опасаться. Да уж, было дело, нарвалась на эти «оттенки», прихватила ненароком у невестки Арины книжицу почитать в дорогу... Думала, детектив. Или обыкновенный бульварный романчик. Арина ж ее не предупредила, усмехнулась только. От нее, от Арины, лишнего словца не дождешься. Бука, она и есть бука, все молчком да с недовольным лицом... Вот и про книжицу – ни полслова. Только головой мотнула – ага, мол, возьмите, почитайте в дороге, дорогая свекровь Александра Борисовна... Ну, она и открыла книжицу в автобусе, как порядочная. Еще подумала – чего это на нее женщина, сидящая напротив, так пристально смотрит? И усмехается нагло?

Хотя, если честно, ничего такого в этой книжице нет. Не Фицджеральд и не Брэдбери, и даже, как говорится, рядом не стояло. Тоже, развели ажиотаж. Ну, выпался черт на главного героя, и что? Мало на ком он высыпается нынче? Кто бы мог подумать, что фантазии американской домохозяйки у нас такой фурор вызовут? А Катька Прокопович так вообще правильно

про эти «оттенки» выразилась – это, говорит, не фурор, а сказка про голого короля! Один прочитал, глаза закатил и помотал головой с придыханием. Потом второму прочитать захотелось, и тоже глаза со смыслом закатил. А третий думает – может, и мне так надо, что ж я буду, как идиот, совсем не в тренде? Надо тоже глаза закатывать и головой мотать... С тех пор и покатило, и покатило. Закатывают и мотают, мотают и закатывают... И все в тренде числятся, и всем хорошо, и все модные-грамотные.

Тетка с рюкзаком вдруг тревожно повела плечами, глянула на нее вопросительно. Пришлось отвернуть голову к окну – и впрямь, неловко получилось, зачем-то застыла на ней взглядом. Интересно, а у нее самой какой взгляд? Наверное, классический вдовый... Который с достоинством...

Да, конечно. Гриша, если бы жив был, никогда бы ее не бросил. Не предал бы. Не смог бы ей организовать эту обиженную неприкаянность на старости лет. Гриша, Гриша... Восемь лет как тебя нет, а вспомнишь, и сердце болеть начинает. Ушел и даже не узнал, что внука в честь тебя назвали... Долго имя выбирали, пока Леве эта мысль в голову не пришла – так в честь папы же надо! Молодец, сынок. Спасибо тебе, Левушка. Уважил.

Помнится, они с Гришей тоже долго для сына имечко подбирали. Хотелось чего-то необыкновенного, нежно-душевного и воркующего, потому как долгожданный был сыночек, по женским больницам выстраданный, в трех монастырях вымоленный. Кучу вариантов перебрали, чуть не поссорились. Потом Гриша вдруг предложил – а давай сермяжно, по гороскопу! Он же в июле родился, значит, Лев! Пусть будет Лев, а, Саш? По крайней мере, со смыслом – всегда отгрызется от нападающих. Она сначала взвилась – грубо, мол! А потом подумала и согласилась. А что, неплохо звучит. Лев, Лева, Левка, Левушка...

Так и жили, так и воспитывали. Ты – Лев, помни об этом. Лучший кусочек – тебе. Любви отцовской-материнской – тоже навалом, хоть объешься. Видать, на пользу пошло. Вырос на чистом сливочном масле царь зверей, красавец блондин, мамин и папин сын... В школе учился – от девчонок отбою не было, хоть двустволку в окно выставляй да отстреливайся. А в институт поступил – и попался на втором курсе в цепкие Ариныны лапки. Залетела. А что делать? Пришлось свадьбу играть. Правда, это уже без Гриши было... И квартиру молодым пришлось покупать тоже без Гриши, все сбережения отдавать, в долги влезать. Арине, видите ли, сразу не захотелось жить со свекровью. Ой, если вспомнить...

Подумала об Арине, и снова зануло сердце. Что-то оно в последнее время часто ныть принимается. Не к добру. Хорошо, что приехали уже... Вон, в репродуктор объявили – станция «Боровки»! Какое веселое название – «Боровки»! Классически дачное!

* * *

А денек-то прохладный. Да, солнце хулиганит вовсю, но коварный апрельский ветер так и норовит огладить лицо не согревшейся после зимы стылой ладонью. Зато землей оттаявшей пахнет – прелесть... Очень чувственно. И птицы поют. И дымка на деревьях здесь больше проклюнулась, чем в городе.

Ладно, пусть будет весна. Разрешаем. Если не думать о вечно плохом настроении, об этой непреходящей, как зубная боль, обиде на невестку, то хорошо же! Солнышко, одуванчики в траве. Вот уже заборы дачного поселка пошли, навозом пахнуло, дымом костров. Мужик в линялых трениках покосившийся за зиму забор поправляет, матерится не так чтобы громко, но от души. Очень у него интеллигентно получается. Вроде и грубо, но слух почему-то не режет. Вот почему так, а? Одни матерятся, словно черным дегтем в душу плюют, а другие – словно ржаным хлебушком угощают, да с луком, да с килькой... Так и хочется засмеяться в ответ или даже присоединиться крепким словцом! Наверное, это от качества человеческой природы

зависит, откуда матерок в свет летит. Добротная природа – и матерок добротный, как у этого интеллигентного мужика в трениках.

У Прокоповичей ворота распахнуты настежь. Ага, на участке аккуратная куча опилок желтеет, свеженькая. Значит, завтра с утра эти два муравья Прокоповича, запрягшись в носилки, будут свои драгоценные опилки туда-сюда по участку растаскивать? А она что будет делать, смотреть на них? Вот уж удовольствие... Нет, никогда не понимала этих садово-огородных радостей, этого поклонения морковкиному урожаю. Зачем? Если морковка осенью в овощной палатке – рубль ведро... Ну, разве что себя занять, обмануть лишним телодвижением головушку неприкаянную. Это да. Это как раз можно. Больше работаешь – меньше о плохом думаешь.

И двери на веранду тоже распахнуты. Первое, что бросилось в глаза – толстый Катькин зад, втиснутый в старые Колины джинсы. Нет, как эта газель туда его втиснула, интересно? Коля Прокопович – мужчина худенький, можно сказать, щедушный.

– Ой... Кто там? – вздрогнув, обернулась Катька. – Господи, Санька... Чего ты крадешься все время? Напугала!

Так, понятно, почему зад в Колины штаны втиснулся... Ширинка-то не застегнулась, петелька с пуговкой через отдельную веревочку просто дружат. Катьке, может, удобно, а глазу смешно.

– Привет, Кать. Это что, нынче дачная мода такая? – указала пальцем на клочок фланелевой рубахи, вылезший в прореху ширинки.

– Да ладно... Эти штаны выбросить не жалко, все равно измажусь как черт. Видишь, рассаду разбираю... Хочу сегодня помидоры в теплицу высадить. Как думаешь, не рано?

– Кать... Это ты сейчас с кем разговариваешь?

– А, ну да... Действительно, что это я. Совсем забыла, что ты у нас девушка белорукая. Вся такая внезапная, противоречивая вся.

– Хм... А при чем тут внезапность и противоречивость? Как-то не в тему, Кать.

– Да сама знаю, что не в тему! Это я так, от задумчивости. Жалко, если рассада погибнет... На той неделе, говорят, заморозки обещали. Ну, чего выстроилась на пороге, как налоговый инспектор? Заходи...

Катька сердито сдула со лба челку, глянула на свои руки в резиновых перчатках с прилипшей землей. Подумав секунду, провела по лбу запястьем, свободным от раструба перчатки. Неудачно провела – на лбу осталась черная полоска.

– Кать, а хочешь, я тебе помогу? Ты мне только объясни, что нужно делать. Я способная, я справлюсь.

– Да ладно... Из тебя в этом деле помощница, как из меня балерина. Все ростки ломаешь.

– Да прям... Давай помогу, чего ты!

– Саньк, не зли меня сейчас. Вот садись лучше в кресло, опнишь с дороги, как моя мама, покойница, говорила, помнишь? Тем более это ж твое любимое креслице, Коля специально его сегодня утром со второго этажа на веранду выволок... Сашенька, говорит, придет, сядет на веранде с горячим чаем, будет воздухом весенним дышать, на природу любоваться...

– Ой, какой он у тебя милый, Кать... Я сейчас заплачу...

– Ладно, не плачь. А вообще, можешь и всплакнуть, Коле приятно будет. Я потом ему расскажу... Нет, что мне с рассадой-то делать? Высаживать, не высаживать? Вон больше половины уже разобрала... И сорт, главное, хороший, у меня такого еще не было... Мне его Марья Алексеевна присоветовала...

Все, улетела в свою помидорную заботу, сама с собой уже разговаривает. Можно и впрямь в любимое кресло завалиться, «опнуться» с дороги. Да, затейница была тетя Лида, Катькина мама, относительно всяческого фольклора... Иногда такое коленце могла выдать, и не пой-

мешь, то ли похвалила, то ли обругала. А чего стоила обращенная к ним с Катькой тети-Лидина знаменитая погонялка – госпожи Чичиковы! Почему госпожи Чичиковы, где госпожи Чичиковы, откуда она это взяла... Если гоголевского Чичикова имела в виду, так у него отродясь никакой госпожи не было. Хотя, наверное, ничего ругательного тетя Лида в эту погонялку не вкладывала, она и ругаться толком не умела. Заглянет, помнится, в Катькину комнату, нахмурится через улыбку, начнет на них ворчать: «Чего расселись, зады на диване примяли! Пойдемте на кухню, поглядите, как я пирог заворачиваю, может, хоть научитесь, какая-то польза от вас будет! Ишь, сидят, две госпожи Чичиковы, ручки сложили...»

Хорошо было у них, помнится. Легко. По-доброму как-то, без претензий. И всегда пирогами пахло. И борщом. И с Катькой было дружить хорошо. Комфортно. Хотя мама всегда морщила носик в сторону Катьки – что между вами общего, Сашенька, не пойму...

Да ничего не было меж ними общего, это правда. Тетя Лида работала продавщицей в овощном магазине, а Катька была дочкой продавщицы овощного магазина. А ее мама работала завлабом в каком-то научном институте со сложной аббревиатурой, и что? Невелика должность – завлаб, особенно в тех НИИ, еще доперестроечных, а вот поди ж ты, какой снобизм. Карьера превыше всего. «Надо идти вперед, Саша, не стоять на месте. Ты обязательно должна поступить в институт. Надо поставить перед собой цель и упорно ее добиваться. Надо, Саша, надо...»

Кто ж спорит, надо, конечно. Она с мамой и не спорила. Но часто бегала-таки в Катькин мешанский уют, чтобы погреться-опнуться. Бегала от этого «надо», от унылого полезного винегрета и супа из пакетика туда, где пахло пирогами и борщами. К салфеточкам, коврикам, кудрявым занавескам. В любовь и комфорт, где тебя принимают просто так, независимо от того, каких целей ты упорно добиваешься. Да, Катька не поступила в институт, а она поступила. И Катька вместе с тетей Лидой за нее радовались. И даже отмечали, помнится, это обстоятельство. Пирогов напекли. А мама не радовалась, мама в санаторий сразу уехала – нервы лечить. Очень переживала, что дочь в институт не поступит.

Между прочим, Катька и без диплома в начальники выбилась, уже много лет занимает должность старшего офис-менеджера в крупной компании. Командует целой армией секретарей, делопроизводителей и курьеров. И замуж вышла счастливо и по любви. Потому что она хоть и «простая», как мама говорила, зато по природе умная и сильная. И добрая. И любить умеет. От нее эта любовь расходится во все стороны, как жар от печки, просто так бери – не хочу. Таковой вот донор, отдает и назад не спрашивает. Как говорил Гриша – «съедобная у тебя подруга, Саш, хлебная... Главное, чтобы едоки не разбежались, иначе хлеб зачерствеет со временем...»

– Саньк... Ты чего, заснула, что ли?

– А?... – встрепенулась она в своем кресле, приподняла затылок от мягкого подголовника, уставилась на Катьку.

– Чего внука не привезла, говорю? Смотри, какой денек хороший... Побегал бы на солнышке, подышал бы.

– Гришеньку на выходные та бабушка забрала, Кать...

– А... Понятно.

Переглянулись, поджали губы одинаково. «Та бабушка» – как пароль, и без того все ясно, дальше и обсуждать нечего. Потому и последующая молчаливая пауза получилась выпуклой, болезненно вспухшей. Тронь слегка – и прольется ненужными словесами. Действительно – ненужными. Лучше уж так, молчаливо «посплетничать». Они ж с Катькой воспитанные тетки, черт побери. Не опустятся же они...

А «опуститься»-то как хочется, ой! Почесать языком, вывалить наружу недовольство «той бабушкой». Нет, правда, зачем на выходные внука забирать, если у тебя от его беготни «голова раскалывается»? И бедный ребенок сидит день-деньской перед телевизором, в мультики глаза лупит? При чем беспрерывно? Не играет, не рисует, не гуляет, а калечит свою пси-

хику криками ужасных ниндзя... Оно понятно, что тебе так удобно – внучок сидит, с расспросами не лезет, бегать вокруг стола с «войнушкой» и с пластиковой саблей наголо не заставляет. Но ведь вредно же ему – столько времени в телевизор пялиться! Так и отупеть можно! А для неокрепшей психики какой вред? А, да что там... Зачем лишний раз нервы теребить...

– Ладно, Сань, с внуком все понятно. А сама чего?

– А чего я?

– Ну, я же вижу. Сидишь, прокисла вся.

– Я не прокисла. Я замерзла и есть хочу.

– Так возьми плед, чаю себе согрей, бутерброд сделай. Сто грамм налей. Вишь, я занята пока.

– Неохота вставать... Леню мне. Потом...

И вздохнула вдруг так тяжело, даже пискнуло в горле слезливо. И впрямь захотелось всплакнуть, и чтобы Катька молчала и ни о чем ее не спрашивала...

– Эй... Ты чего, Сань? А ну говори, что случилось?

Как же, не будет она спрашивать. Особенно после такого выразительного вздоха с писком. Сама нарвалась.

– Да ничего особенного не случилось, Кать. Просто устала.

– От чего? От работы?

– От жизни.

– А... Ну, это понятно, это мы уже проходили. Знаешь, Сань... Иногда смотрю на тебя и что-нибудь такое сердитое из себя выплеснуть хочется! Или это... Как его... Погоди, сейчас изображу!

Катька вдруг резво выпрямила стан, закатила глаза, картинно откинула свободным от перчатки запястьем челку со лба, втянула в себя воздух, издав горлом надрывный смешной всхлип. Ее страдания, стало быть, карикатурно изобразила.

– А еще, Сань, очень хочется строчку из душещипательного романа какую-нибудь произнести! Обязательно утробным голосом! Вроде того – «...ее трагедия заключалась в том, что... Что»... В таком духе! Зашибись, в общем!

И правда, ловко у Катьки получилось. Особенно «ее трагедия заключалась...», произнесенное утробным голосом. Только не смешно вовсе. Наоборот, обидно слегка.

– Все дело в том, дорогая Санечка, что нет в твоей жизни никакой трагедии, понимаешь? – иссякнув насмешливостью, снова склонилась Катька над рассадой, шевеля грязными резиново растопыренными пальцами. – Все у тебя есть, а трагедии нет, уж извини. Сын есть, внучок есть, чего еще надо от жизни? Какого рожна? Когда есть для кого жить... Это скорее мне больше подходит – про трагедию-то. Вот скажи, Сань... – снова распрямившись и указывая руками на ящик с рассадой, грустно произнесла Катька, – для кого я тут вкальваю, а? Для кого это все? Наворочу опять этих помидоров, как на Маланьину свадьбу... Потом буду родственникам да знакомым раздавать, да еще и просить Христа ради, чтоб взяли...

Так, а это уже серьезно. Это уже и впрямь опасная тема пошла. Надо сидеть, помалкивать, не подкидывать дровишек в костер, глядишь, опасная тема сама собой рассосется. Опасная тема Катькиного подвига. А как иначе все это назовешь, если не подвигом?

Да, Катькино знакомство-жениховство с Колей аккуратно у нее на глазах происходило. Между прочим, красивое знакомство-жениховство, вполне искреннее. Коля тогда бедным студентом был, вечно голодным и болезненно скромным ботаником-замухрышкой, зато престижный радиофак политехнического института оканчивал. С отличием, между прочим. На красный диплом тянул. Катька в него влюбилась без ума... Глядела как на божество, открыв рот. Такой умный, такой умный, восторг, майский день, именины сердца! Любовь поднималась в ней сдобным тестом, через край переползала! И Коля около Катьки пригрелся, откормился на тети-Лидиных борщах и пирогах. В общем, полная гармония получилась – каждый взял друг

от друга то, чего сам не имел. Катька любовь свою смелую осуществила, а Коля ее принял с большой благодарностью. И сводил Катьку в загс. И в квартире у нее после окончания института прописался. Так они с тетей Лидой его и обихаживали – вдвоем и с удовольствием. Может, потому Коля и карьеру хорошую сделал, и заработок неплохой в дом приносил. Потому как ботаников с красными дипломами много, хоть пруд пруди, а в жизни потом пробиться – это еще вопрос...

А дальше – как в сказке. Жили они хорошо и счастливо, да только детей у них не было. А Катьке ребеночка хотелось – страсть! Время идет, ничего не получается. Сгребла она Колю в охапку, пошли вместе по врачам проверяться. Оказалось, что Катька вполне себе детородная, а Коля – совсем нет... В детстве болезнь какую-то коварную перенес, которая на его потенциальном отцовстве крест поставила. Тетя Лида тогда только руками всплеснула – ой, дура ты, дура, Катька... Ну ладно, сама бы проверилась, зачем туда Колю-то потащила? Устроила мужику унижение-переживание, а толку? Лучше бы согрешила с кем по-умному, тихо-мирно-культурненько, и воспитывал бы как своего...

Коля, все про себя узнав, проявил истинное благородство души. Нет, вещи не собрал и от пирогов с борщом не ушел, все по-другому придумал. Он тоже, как и тетя Лида, предложил Катьке согрешить тихо-мирно-культурненько. Ну, в санаторий южный поехать или в командировку... Полную свободу действий предоставил. И клятвенно пообещал, что будет любить Катькиного ребеночка как своего. Очень Катьку просил ему изменить «по делу». Так и говорил – надо, Кать, это ж по делу. Высокие отношения, в общем, что тут скажешь.

Да только эта дурища не смогла через себя переступить – ни по делу, ни без дела. И ее можно понять, конечно. Тетя Лида была права – раньше надо было думать. Без Колиного-то разрешения оно бы сподручнее вышло. А так... Пожалела Катька Колю. Объявила ему в одночасье, что уже не хочет никакого ребеночка, что ей и без ребеночка хорошо. Любят друг друга, и ладно. И хватит им, и за это судьбе спасибо. Получилось, в жертву себя принесла. А Коля жертву принял.

В общем, тема с определенного времени стала считаться закрытой. Очень крепко закрытой, и чтоб ни-ни... Хотя иногда и выскочит Катькиным горестным восклицанием, вот как сейчас. А еще бывает, она Катькин взгляд ловит, на внука Гришеньку направленный. И сердце болью сжимается. Да и не только Катькин взгляд, и Колин тоже...

– Сань... Может, накормишь моего оглоеда? Мне ж все это хозяйство в теплицу при-
ткнуть надо, иначе корешки высохнут.

– Это с каких пор у тебя Коленька оглоедом стал? Может, я что-то пропустила?

– Да не... Все нормально. Это я так, любя.

– А где он, кстати?

– Где, где... Ерундой занимается. Сказал, пойдет весенним лесом дышать. Он же у нас такой, сама знаешь. Осенью, когда урожай надо перерабатывать, он уходит в листопад, а весной, когда рассада пропадает, уплывает в зеленую дымку. А я тут одна вкальвай – задницей кверху, мордой в землю. Что листопад, что дымка, мне все едино.

– Да, трепетный он у тебя.

– Не то слово, Сань. За то и люблю.

И засмеялись обе – тихо, незлобно. Даже не засмеялись, а так, подребезжали усмешками.

– Так накормишь?

– Да, конечно. А что нужно сделать?

– Супчик сварю, там, в холодильнике, курица есть. А котлеты только разогреть, я их из дома прихватила. Ну, в общем, сообразишь, что к чему... В первый раз, что ли? Вставай, а то заснешь, Сань! Подними задницу!

– Да встаю, встаю...

Катка ушла, неся перед собой корытце с рассадой. Вставать из кресла не хотелось. Расслабилась, пригрелась, солнце лицо обласкало... Не наотмашь, а будто погладило. Но надо идти на кухню, раз обещала. Колю накормить – святое дело. Особенно после его полетов по зеленой лесной дымке. Да и сама, помнится, голодной была, пока в электричке тряслась.

С обедом она справилась быстро, супчик на вид получился весьма симпатичный. Хотя здесь, на свежем воздухе, любая еда выглядит аппетитной, даже самая никаковская. И чай на ключевой воде очень вкусный. Что ни возьми, все идет на ура вприкуску со свежим воздухом. И даже плебейский бутерброд с луком и килечкой, да под обязательные сто граммов... Хорошо, что она к Прокоповичам в этот выходной таки выбралась! Жизнь-то, кажется, налаживается. Вон уже и Коля идет... Сейчас обедать будем. Ура.

– Здравствуй, Сашенька, здравствуй, милая... Молодец, что приехала. Ты с внуком?

– Привет, Коль. Нет, я нынче одна. Баню топить будем?

– А то. Будет тебе и баня, и пиво, и какао с чаем. А тебя, смотрю, Катя тоже к делу приспособила, обед варить заставила?

– Да что там варить, Коль... Все готово уже. Вон и Катя идет...

Обедать сели на кухне. Катка извлекла из холодильника запотевшую бутылку водки, торжественно плюхнула на стол. Александра поморщилась, а Коля потер ладони, издав радостный сухой шорох. Налили по чуть-чуть, молча выпили. Так же молча начали орудовать ложками, утоляя первый голод. А о чем говорить – все свои... Помолчать тоже бывает хорошо. Не надо мешать голодному организму с благодарностью принимать в себя горячее варево. Вон как щеки у Катки покраснелись, а у Коли глаза заблестели. Совесть в ней всхлипнула было горестно – ты ж на диете сидишь! – но тут же и умолкла, размякнув от вида пухлого куриного крылышка. Да и то – что страшного случится от одного куриного крылышка? И хрустящей корочки хлебца? И от одной Каткиной котлетки? Нет, от двух котлеток... Да ладно, от трех...

И вдруг порвал уютное раблезианство резкий утробный звук – старый холодильник задрезжал, включившись, затрясся, как в лихорадке. Катка вздрогнула, уронив ложку на пол:

– Фу ты, зараза... Как затрясется, я всем организмом пугаюсь! Коль, когда мы на дачу новый холодильник наконец купим?

– Нет... Не хочу новый, пусть этот останется. Я от него в ностальгию впадаю, он мне юность напоминает.

– Ну уж... – недовольно пробурчала Катка, наклоняясь за ложкой. – Ты как скажешь, Коль, ей-богу... Где холодильник и где твоя юность...

– А что? Помнишь, как мы под это дребезжание на кухне сидели, «Архипелаг ГУЛАГ» читали? Как на той кухне мои студенческие друзья собирались, тещины пироги ели, водку пили... Холодильник заурчит, зайдет в падучей, а мы дружно вздрагиваем! Хорошо ведь было, девчонки, помните? На фоне этого урчания-то? Неужели забыли? А как мы спорили! Как сойдемся с твоим Гришкой, Сань... Светлая ему память, умный и добрый был мужик...

– Спасибо тебе, Коль.

– Да за что?

– Что Гришу добрым словом вспомнил.

– Да ну тебя... Я его и не забывал никогда. Нет, как мы жили, девчонки, а? Интересно ведь жить было! Когда все вопреки! По телевизору одно тадычат, а мы – другое, мы – «Архипелаг ГУЛАГ» с «Одним днем Ивана Денисовича»... А ты, Сань, помнишь, как «Мастера и Маргариту» тайком читала, бледную перепечатку на папиросной бумаге, неужели забыла? Тогда почему-то и Булгакова запрещали, во дураки... Нет, помнишь, Сань?

– Помню, Коль. Конечно, я все помню.

– Ну, понеслось... – тихо, со вздохом произнесла Катка, обведя их лица тоскливым взором. – Читатели, блин, революционеры... Клара Цеткин с этим, как бишь его...

– С Карлом Либкнехтом, – опершись о край стола, чуть приподнялся на стуле Коля, важно наклонив голову вниз и блеснув проплешиной, будто и был этим самым Карлом Либкнехтом. Смешно получилось, да.

– Во-во. С ним самым, – не приняла мужней насмешливости Катька. – Лучше скажите, революционеры, вам чай делать или кофе варить?

– Да все равно, Кать... – отмахнулся от жены небрежно Коля. – Дай поговорить-то...

– Да о чем еще говорить? И без того понятно – новый холодильник покупать не будем.

– Да не о холодильнике! Бог с ним, с холодильником! Вечно ты меня с мысли сбиваешь! Что-то я еще хотел сказать... Не для тебя, для Сани. Помнишь, Сань, тогда еще этой строчкой Маяковского всех по голове долбали, куда эту голову ни сунешь – «...я себя под Лениным чищу»? А на самом деле выходило, что мы-то себя под Солженицыным чистили! Каково, а? Ночами! На кухнях! Вопреки! Вот же время было! А нынешние чего, под кем себя чистят, а? Под новыми холодильниками, которые не урчат?

– Ой, Коль! – досадливо обернулась от плиты Катька с заварочным чайником в руках. – Меня ругаешь, а сам так и привязываешься к этим холодильникам! Ну кому плохо, если они не урчат?

– Да хорошо, конечно... Только никто на кухнях больше не сидит под водочку, да чтоб с любимыми бабами, да разговоры не разговаривает, споры не спорит... Просто едят, потом просто спят. Физиологическую нужду справляют. Тоска. Нет уж, пусть он стоит, пусть урчит, а я посижу, послушаю...

Коля отвернулся к окну, вздохнул. Она глянула на его сухой длинноносый профиль – постарел... А все равно красавец. Потому что свой, родной. Уютный, как домашние тапочки. Милый, милый Коля. Тоже вздохнула вслед за ним...

Коля вдруг отвел взгляд от окна, уставился на нее подозрительно.

– А ты чего такая грустная приехала, Саш? Вон, глаза как у спаниеля. Опять обидой на невестку изводишься?

Моргнула, озадачилась с ответом – врасплох застал. Потом ответила осторожно, будто боясь оступиться неверным словом:

– Я на нее не обижаюсь, Коль. Скорее, я ее боюсь. А когда боишься, на обиду резерва не остается. Такой вот стокгольмский синдром у нас получается...

Они оба, и Катька и Коля, уставились на нее удивленно, даже забыв переглянуться. Коля нарушил молчание первым:

– Не понял, Сань... Насчет «боюсь» не понял. Новенькое словцо в твоём лексиконе. Это в каком же смысле? В философском, что ли?

– Да нет, почему... А впрочем, не знаю. Вот ты только что рассуждал – Солженицын, Булгаков... Какие мы были умные, смелые, воспитанные-начитанные... Да, были. Ну и что с того, Коль? Да, я все книги Булгакова прочитала. И Чехова всего. И про Бунина с Набоковым знаю, и даже про Солоухина с Песковым. И что? Моя невестка Арина и сотой доли не знает того, что я вычитала из этих умных книг. И знать не хочет. А я все равно ее боюсь... Наши знания давно уже нас не спасают, Коль. Потому что мы для таких Арин – смешные люди из прошлого. Неважно, свекрови мы или кто другие, все равно...

– Эй, Саньк, ты чего это... – робко дотронулась до ее плеча Катька. – Вроде ты никогда в шибко пугливых не ходила...

– погоди, Кать, – отстранил от нее Катькину руку Коля. – Саша же не в том смысле... Не в прямом... Это просто аллегория такая... Правильно, Саш?

– Ой, да ну вас! – махнула кухонным полотенцем Катька, отвернувшись к плите. – Вечно мудрят, мудрят...

– Саш... А может, ты к ней слишком высокие требования предъявляешь? – тихо спросил Коля, грустно глядя ей в глаза. – Ну, как бы через себя ее пропускаешь...

– Нет, Коль. Не пропускаю. И вообще никаких требований не предъявляю. То есть, конечно, есть одно требование, даже не требование, а просьба. Чтобы она моего сына любила. Все, больше ничего не хочу. Честное слово.

– Ну, если так... Тогда все должно быть в порядке! Знаешь, как умные люди говорят? Глупая свекровь теряет сына, а умная обретает дочь... А ты ведь у нас умная, Сань! Умная, смелая, воспитанная-начитанная! И терять Левку не собираешься! Значит, по логике, обретай себе дочь на здоровье, пользуйся всем этим хозяйством! А ты – боюсь, боюсь... Что за пессимизм, Сань?

– Не знаю, Коль. Говорю что чувствую, вот и все. Нерадостно как-то на сердце, все время тревога грызет. Вроде и оснований никаких нет, а грызет. Как погляжу на них... На Левку с Ариной... Мне кажется, не любит она его. А я это чувствую. И боюсь не саму Арину, а этой ее нелюбви к Левке. Понимаешь? Вдруг она открыто проявится.

– Нет, Сань. Не понимаю. Мне кажется, ты слишком перемудрила со своими ощущениями. Может, ты просто ревнуешь?

– Да брось ты! – сердито огрызнулась в сторону мужа Катька. – Что, нашу Саньку не знаешь? Станет она до глупой ревности опускаться, ага! Да она костями ляжет, чтобы Левке не дай бог не навредить... А только без толку все это, я думаю...

– Что без толку, Кать?

– Ну, чтоб костями ложиться. Тут хоть так ими ложись, хоть этак, а если Арина и впрямь Левку не любит... И знаешь, Кать? Прости, но если уж ты сама разговор завела... Я думаю, так оно и есть. Да, точно, не любит.

– Кать, опомнись, откуда такие ортодоксальные выводы? – уставился на жену Коля. – Ты вроде с этой Ариной не сильно общалась, насколько я понимаю.

– И ничего не ортодоксальные, а самые обыкновенные. Ну сам посуди! Девка замуж не по своей воле шла, а по залету, тем более молодая была. Потом, Санька же им квартиру купила, так? А сейчас мужья с квартирами просто так на дороге не валяются, даже и нелюбимые. Потом ребенок, опять же... Да и Левка весь из себя красавец, не стыдно на людях показаться, это тоже со счетов нельзя сбрасывать. А самое главное – он-то любит ее. Ведь любит? А, Сань?

– Да, любит.

– И что ей, бедной, со всем этим хозяйством делать, если сама не любит? Взять все и бросить? Ага, щас... Вот она и терпит, и злится, и делает тебе козью морду. С одной стороны – вроде и хочется на свободу, а с другой стороны – есть что терять. А ты переживаешь, тревожишься почему зря. Брось, Сань. Ничего, со временем и она привыкнет, и ты привыкнешь. Стерпится – слюбится, как издавна люди говорили.

– Не знаю, Кать... Как-то грустно все это.

– Конечно, грустно. А кому сейчас весело? Надо радоваться тому, что есть. Что внучок у тебя на глазах растет, а не отдают тебе его раз в год под расписку.

– Да, все так. Но знаешь... Я ведь тоже когда-то за Гришу своего... Ну, скажем, не то чтобы по великой любви замуж выходила. Но я знала, что он меня очень, очень любит! Больше, чем я его. И благодарна ему за это была. Мне кажется, благодарность за любовь – это тоже своего рода любовь. По крайней мере, я ни разу не пожалела...

– Ну что ты сравниваешь, Сань! Нынешние молодые таких благодарностей не понимают. И не принимают. И правильно делают, я считаю! Никаких компромиссов тут не должно быть, все по-честному! Раз другие времена пришли, значит, и нравы должны быть другие! К черту всякое притворство, если уж любить, так по полной программе! Раз положено чай с сахаром, отдай, не грехи!

– Ну, развоевалась... – тихо проговорил Коля, принимая из Катькиных рук чашку с чаем. – А я вот как раз с сахаром и не люблю... Я за разумное притворство и ханжество, за

уважение к чувствам другого. И вообще – Санька-то тут при чем? Ну, не любит невестка Левку, ладно. А свекровь должна уважать! И точка! Она что, как-то обижает тебя, Сань, да?

– Нет, Коленька, внешне никак не обижает. Молчит в основном. Но иногда, знаешь, такая судорога по лицу пробежит... Будто едва сдерживается, чтоб не нахамить. А я ее раздражение чувствую и сразу теряюсь, будто у меня землю из-под ног выбивают, и кажусь себе маленькой-маленькой... Не зря ж у меня давеча вырвалось про стокгольмский синдром. Оговорочка, стало быть. Такие вот дела, Коль.

– Ой, Сань, я тебя не узнаю... Раскисла совсем. Нельзя так.

– Да я и сама себя давно узнавать перестала. А самое противное знаешь в чем? Я в последнее время так себя веду... Будто стараюсь выслужить ее любовь. Будто это не она невестка, а я. Причем невестка-рабыня. Да, таким образом я пытаюсь выслужить через себя ее любовь к Левке, наверное... Ну, задобрить, что ли. Добрая, мол, будет, так больше его любить станет.

– А она, стало быть, никак не задабривается, да?

– Да, Коль. Это ж понятно. Это же в принципе невозможно – любовь выслужить. Вот я нервами и нервничаю. Это Левка, когда маленький был, так говорил – я когда умом умничаю, нервами все равно нервничаю. А что, точнее и не скажешь.

– Ну что же... Такова жизнь, Саня. Нервничай дальше. Любое нервное переживание – основа для жизни. Переживаешь – значит живешь. И рабство свое внутреннее тоже переживешь со временем.

– Ничего себе, успокоил... – недовольно хмыкнула Катька.

– А я ее не успокаиваю, зачем мне ее успокаивать? Каждый имеет право на свое личное внутреннее переживание, даже на внутреннее рабство право имеет. Да если бы, к примеру, твоему любимому Чехову, Сань, не пришлось каждодневно взаимодействовать со своим внутренним рабством, то есть выдавливать его из себя по капле, ему бы вообще нечего было сказать миру! И самого бы Чехова не было как гения!

– Ну уж... Куда тебя понесло-то? – со смехом глянула Александра в Колино серьезное лицо. – Начали Ариной, закончили Чеховым, да?

– Да, Коль, не тронь Чехова, Санька тебе этого не простит! – поддержала подругу Катька. – Не тронь последний Санькин духовный оплот!

– Да я и не трогаю, чего раскудахтались. Я только пример привел. Вся наша жизнь оттуда происходит, из внутренних переживаний. А если их нет, мы сами себе их придумываем. Чем больше придумаем и переживем, тем богаче и ярче жизнь покажется.

– Ну, опять понесло не в ту степь... – всплеснула руками Катька. – Коль, ау... Мы вообще-то о Санькиной невестке говорили! Косточки ей перемывали, любит, мол, Левку, или не любит!

– А... Да я помню, девочки, помню. Валяйте дальше, девочки.

Потянувшись к бутылке, Коля плеснул в рюмку водки и медленно, со вкусом, выпил.

– Валяйте, чего замолчали...

От его жеста, от насмешливого, слегка равнодушного голоса стало вдруг очень спокойно. Отстраненно как-то. Будто поднялась душа вверх, глянула со стороны... Господи, да о чем она? Любит, не любит... Тоже, придумала себе переживание. Коля-то прав по большому счету. Если переживания у женщины нет, она обязательно его придумать должна. Да, многие грешат этой слабостью – поисками черной кошки в темной комнате. Особенно когда ее там действительно нет.

– А знаете, ребята? Может, я и впрямь себе все придумала? Может, она и любит моего Левку, просто у нее характер такой, эгоистичный и деспотичный, а? Ну, такая она, моя невестка... Берет любовь как должное. И все ей мало. Я стараюсь, чтобы было много, а ей мало. Вот и происходит обесценивание. А я опять стараюсь, и опять...

– А не надо стараться, Сань. В этом твоя проблема, что ты слишком стараешься.

– Так я ж не для нее стараюсь, Коль, а как бы для Левки... Вернее, через нее пытаюсь для Левки, я ж объясняла уже...

– Да понял я, понял. А только и ты пойми, Сань, что любое излишество – это яд. Даже любовь в большом количестве – яд. Причем смертельный.

– Ну уж, скажешь тоже! – тихо возмутилась Катька. – Кому это бывает плохо от излишка любви, ты что! От недостатка – это да, а от излишка...

– А вы вспомните основное правило Парацельса, девочки. Как оно звучит, помните?

– Да откуда, Коль? – снова возмутилась Катька. – Чтобы помнить, надо хотя бы знать. Мы ж не такие умные, как ты.

– А что за правило, Коль? – насторожилась Саша. Слишком уж лицо у Коли в этот момент было значительное.

– Ну, тогда вслушайтесь... Звучит довольно коротко и недвусмысленно. Все – яд, и все – лекарство; то и другое определяет доза. Вот вам и правило Парацельса. Ну, уловили смысл?

– То есть ты хочешь сказать... Мои старания быть полезной семье сына, якобы излишние, – это яд?!

– Да, именно так. Только не старания быть полезной семье, а старания выслужить любовь невестки. Это разные вещи, Сань. Такие старания в больших дозах и есть яд. Считаю, ты ее уже отравила, оттого она на тебя и злится. И защищается от тебя инстинктивно. Раздражаешь ты ее.

– Да... Пожалуй, он в чем-то прав... – неожиданно обидно поддержала Колю и Катька. – Объелась она твоим старанием, Санька. Пора на диету ее посадить, на голодный паек. Не старайся больше, уменьши дозу. По капельке им помогай, по капельке. Пусть она от тебя холодок почувствует. Глядишь, и улыбаться начнет, а не козью морду строить.

– Ну, чего уж сразу холодок-то! – испуганно глянул им в лица Коля. – Какое, однако, у вас бабское рассуждение субъективное, сразу в крайности, сразу в злость! А если объективно, если по-настоящему вдуматься в смысл... Если с осторожностью да с умом... Еще раз повторю, а вы вдумайтесь! Все – яд, и все – лекарство. Понимаете? Все! Все сущее. А то и другое определяет лишь доза. Это ж ко всему, по сути, применимо... Да, умный мужик был этот Парацельс. Может, мы за него еще по маленькой пропустим, а, девочки? А то все спорим, спорим... Давайте, да я пойду баньку топить...

Потом, улегшись после суетного дня в мансарде, где Катька всегда стелила Александре постель, та долго думала над Колиными словами. Спорила мысленно, не соглашалась. Нет, оно понятно, конечно, с этим правилом Парацельса... Очень точно сказано. С дозой переборщишь – яд будет. Но кто может верно определить эту дозу? И можно ли дозировать любовь? Когда помочь хочется искренне, от души, от всего материнского сердца?

Да и куда они, молодые, без ее помощи? Кто внука из садика заберет, кто ужин приготовит, пока они с работы едут да в пробках стоят? Она ж у них как палочка-выручалочка... Тем более ничего взамен не требует. Помогла и исчезла вовремя. Пыль смахнула, пропылесосила, ужин приготовила – нате, возьмите готовенькое. И выходные опять же... Выходные у них всегда свободны, Гришеньку к себе ей только в радость забрать... И вся эта помощь, выходит, яд?! Да куда ж они без этого яда! Нет, Катька с Колей не понимают просто. Своих детей нет... И вообще, зря она этот разговор сегодня затеяла, разжалобилась...

Во сне ей приснился Парацельс. Почему-то в черном плаще с капюшоном, накинутым на голову. Шел на нее, грозил скрюченным пальцем, повторяя механическим голосом одно и то же: «Все – яд, и все – лекарство; то и другое определяет лишь доза... Все – яд, и все – лекарство... Определяет доза...»

* * *

– ...Арина, ну я же не знала... Я специально посмотрела лейбл, там значок стоит, что допускается машинная стирка...

Злой трепет пробежал по лицу Арины, даже показалось, послышался скрежет зубовый. Конечно, никакого скрежета не было. А было с трудом сдерживаемое раздражение, просто ужас-ужас какое. Да двойной ужас, оттого что надо его изо всех сил в себе держать, наружу не выпустить. Бедная, бедная девочка.

– Это моя любимая блузка, Александра Борисовна... Я ее всегда на руках стираю. Вы знаете сколько она в бутике стоила? А теперь только выбросить...

– Да почему, почему выбросить-то? Если складочки разгладить...

– Их уже не разгладить. Ладно, бог с ней, с блузкой. Но уж пожалуйста, Александра Борисовна, я вас впредь попрошу... Уж пожалуйста...

Ой, не сдержится. Сейчас раздражение хамством выскочит. Ноздри затрепетали, жемчужные зубки прикусили нижнюю пухлую губу. Голова повернулась в проем комнаты, где мелькали силуэты Гришеньки слевой. Там у них бой был на рапирах, увлеклись. Но выскочившее раздражение услышали бы. А нельзя. Надо приличия соблюдать. В том-то и дело. Бедная, бедная девочка.

– Арин, извини. Я ж не знала про блузку. Тем более там и правда значок стоит, что машинная стирка допускается. Вот, сама посмотри. Я ж как лучше хотела, Арин.

– А не надо как лучше, Александра Борисовна! Не надо делать того, о чем вас не просят! Нет, я просила вас заниматься стиркой? Скажите, просила?!

Сорвалась-таки. Глаза стали туманно-злые, и голос полетел в слезный фальцет. Тут же за спиной Арины нарисовался Лева, обвел их лица тревожным взглядом.

– Мам, Арин... Вы чего?

– Ничего! – резко повернулась к нему Арина, выбросив свое «ничего» как нож.

– Да что случилось-то, можете объяснить?

– Лёв, это я виновата... Я блузку Аринину в стиралку засунула. Испортила, в общем. Извини, Арина.

– Хм... Из-за какой-то тряпочки и такая трагедия? – нарочито смешливо произнес Лева, глядя Арине в глаза. Хотя с нарочитостью Лева явно перебрал. Агрессивная какая-то нарочитость получилась, воинственная.

– Да сам ты тряпочка, понял? – сквозь зубы процедила Арина так зло, что у Сашки морозец по спине пробежал.

Толкнув Леву плечом, Арина ушла в спальню. А он остался стоять, понурился головой, катая желваки на щеках. Из комнаты выглянул Гришенька, раскрасневшийся, возбужденный игрой:

– Пап! Ну ты где? Ты же меня еще не победил!

– Сейчас, Гришук. Поиграй пока один. Я сейчас. Поговорю с мамой и приду.

– Ну пап... Как я один-то? Я, что ли, сам с собой буду сражаться?

– Лёв, не ходи... – Александра схватила сына за локоть. – Ну... Пусть она отойдет немного. Ничего же страшного не случилось. Я ведь и впрямь ее любимую блузку испортила!

– И что? – резанул Лева по ней злыми глазами. – Трагедия, да?

– Ой... Лёв, ну не надо ничего, а? Давай я лучше уйду, без меня разбирайтесь. А при мне не надо. И Гришу тоже пугать не надо. Ну, Лёв, ну, прошу тебя...

Не услышал. Не внял просьбам. Рванул вслед за Ариной в спальню. Гришенька проводил отца обиженным взглядом, посмотрел на Сашу, вздохнул.

– Ба... Тогда пойдем с тобой слажаться, да?

– Пойдем! Только не слажаться, а сражаться! Сра-жать-ся! Повтори правильно! С буквой «р»!

– Ср-р-ра-жать-ся!

– Молодец!

Все-таки плохо еще букву «р» выговаривает. Надо к логопеду сводить. Не твердая «р» получается, а на манер классического французского грассирования – «х-р-х»... Если запустить, так и останется навсегда. Проблема, между прочим. Гораздо серьезнее, чем испорченная блузка. Но почему-то эта проблема на сей момент – только бабушкина...

А из спальни уже слышатся возбужденные голоса, несутся вверх по возрастающей. Надо бы дверь плотнее прикрыть, чтоб Гриша не слышал.

– Беги в комнату, Гриш... Я сейчас приду. Приготовь пока мне рапиру и шлем.

– Ага!

Убежал. Александра подошла к дверям спальни, потянула руку, чтобы закрыть плотнее. И вздрогнула, услышав страшное слово, произнесенное Ариной:

– Развод? Это ты мне говоришь про развод, да? Пугаешь, что ли? Да ради бога! Да хоть сейчас! Можешь собирать вещи и выматываться!

Застыла, так и не дотянувшись до дверной ручки. Воздух застрял в груди, кажется, не выдохнуть. И первое, что пришло в голову – испуганно меркантильное. То есть как это – выматываться? Это Леве – выматываться? Она квартиру для семьи сына покупала, а сын теперь должен выматываться?

И на выдохе устыдила сама себя – уймись, мамаша. Разве об этом сейчас надо думать, о квартирном и меркантильном? Какой развод, господи? Да как же...

– ...И не смей так с моей матерью разговаривать, поняла? Что она тебе плохого сделала? Она и без того не знает уже, в какое место тебя лизнуть, чтобы ты хотя бы спасибо сказала! А ты ведешь себя с ней как барыня со служанкой, смотреть противно! Кофточку ей не так постирали, какая трагедия!

– А я ее просила мне кофточку стирать? Просила? Почему я все время должна быть за что-то благодарной, если я ни о чем в принципе не прошу?

– Арин, замолчи лучше... Вот не надо сейчас, а? И никогда больше не смей хамить. Она моя мать, Арина. Ты от нее, кроме любви, ничего не видела. Она нам последнее готова отдать.

– Ага... Давай, скажи еще, что она нам квартиру купила, что я в ней живу...

– Да, купила. Да, ты в ней живешь.

– А я одна в ней живу? Я, между прочим, с твоим сыном живу! И с ее внуком! Не забыл?

Саша вдруг почувствовала, как пробило меж лопатками холодной испариной, как зашло в лихорадке сердце, отдаваясь болезненными толчками в затылке. Давление подскочило наверняка...

– Это ты вечно шляешься где-то, а я да, я здесь живу! Может, расскажешь мамочке, какой ты у нас примерный муж, а? Или после развода расскажешь?

Все. Это уже невозможно слушать. Иначе она сейчас грохнется тут, в узеньком коридорчике, в обморок, потом костей не соберешь. Потянула на себя дверь спальни, закрыла, но не рассчитала движения, получилось шумно, со стуком. Голоса сына и невестки по ту сторону двери смолкли как по команде... Фу, совсем нехорошо получилось. Сейчас Арина скажет, что она подслушивала. Но ведь и впрямь, получилось, подслушивала...

– Ба, ну ты где? Давай игр-р-рать! – сунулся ей в колени Гришенька, когда внесла свое дрожащее тело в гостиную.

– погоди, Гриш... погоди, я в кресло присяду. Иди сюда, посиди с бабушкой...

Гришенька мигом устроился у нее на коленях, прижался доверчиво, как всегда, обхватив ручонками.

– Ба, ты чего? Почему у тебя в груди так сильно молоточки стучат?

– Это не молоточки. Это сердце, Гришенька. Ничего... Сейчас мы посидим тихо-тихо, и молоточки успокоятся.

– Ба, ты плачешь?

– Нет... С чего ты взял?

– Ну... У тебя голос будто плачет.

– Нет, тебе показалось.

– А играть мы будем?

– Может, мы завтра поиграем, а? Мне пора домой ехать, Гришенька... Мне завтра рано утром на работу вставать... И тебе спать пора. Давай я тебя спать уложу?

Гриша ничего не успел ответить – в дверях гостиной нарисовались родители. Лица у обоих слегка виноватые. Лева улыбается натужно, Арина поймала ее взгляд с опаской, нервно заправила за ухо упавшую на глаза светлую прядь.

– Гриш... Ты совсем бабушку замучил, иди спать. А папа тебе книжку на ночь почитает, хочешь?

Гриша послушно сполз с ее коленей, подбежал к Лева:

– Правда, пап? Почитаешь?

– А то.

– И рядом со мной полежишь, пока я не усну?

– Полежу, конечно. Пойдем... Иди, поцелуй бабушку. Бабушка устала, ей домой пора ехать.

– А можно я бабушку в прихожую провожу?

– Нет, не надо. Ее мама проводит. Тем более мама что-то очень хочет бабушке сказать. Ну, пошли, пошли...

Что ж, сценарий понятен. Воспитал, значит, жену в уважении к матери. Наверное, ей, как свекровке, радоваться надо, победу трубить? А только нет никакой положенной радости. Испуга полно, а радости нет. Какая радость после только что услышанного! Домой бы сбежать скорее да все обдумать по-настоящему.

Лева с Гришенькой ушли, Арина осталась в гостиной, нервно присела на край дивана.

– Пойду я, Арин... И в самом деле, поздно уже. – Александра сделала попытку выбраться из кресла.

– Погодите, Александра Борисовна! Вы... Правда, простите меня. Сама не знаю, чего завелась с этой дурацкой блузкой... День был трудный, устала. На работе новый начальник задергал. Простите...

– Да ничего, Аринушка. Бывает. Я не сержусь. Я и правда как лучше хотела, ты ж понимаешь. Ты лучше скажи мне...

Чуть не ляпнула вопросом про давеча услышанное, да вовремя язык прикусила! Пришлось импровизировать на ходу:

– ...Ты лучше скажи мне, на Гришенькин день рождения завтра много народу зовете?

– Нет, не много. Наши друзья придут с детьми, еще парочка знакомых. Со столом можете, Александра Борисовна?

– Конечно, о чем разговор! Завтра с работы отпрошусь прямо с обеда, в магазин заскочу, потом сразу к вам. Салаты нарежу, индейку в духовке запеку, потом за Гришенькой в садик схожу, заберу его пораньше. Как хорошо, что я рядом с вашим домом работаю, правда? Десять минут ходьбы...

– Да. Что бы мы без вас делали, Александра Борисовна.

– Да ладно. Пустяки. Мне же в радость. Ну, мне и впрямь пора, Аринушка...

– Пойдемте, я вас провожу.

Когда стояла в прихожей, уже одетая и обутая, вдруг пулей вылетел из комнаты ей в ноги Гришенька, босой, в теплой пижамке. Обнял колени, заглянул в лицо снизу вверх:

– Ба, а ты завтра ко мне на день рождения придешь?

– Конечно, Гришенька! Как же я могу не прийти?

– А ты мне подарок уже купила? Я хочу сборный домик с черепашками-ниндзя, большой-большой, я такой у Васьки видел, который на первом этаже живет!

– Гри-и-и-ш... – пропели в унисон Лева с Ариной, насмешливо переглянувшись. – Как тебе не стыдно, Гриш! Нельзя подарки выпрашивать! Тем более что ты нам с папой такой же подарок заказал! Забыл, что ли?

– Ой, забыл... А вы подарите, да?

– Завтра... Завтра все увидишь! Не стой босиком, беги спать! Лева, уведи его! Бабушке идти надо!

Что ж, судя по интонации, идиллия в отношениях полная. Мир, счастье, любовь, жвачка. Тогда откуда в ссоре это страшное слово выскочило – развод? Не просто так, наверное? А может, они с идиллией притворяются, комедию перед ней разыгрывают, чтобы с толку сбить? Вот и думай теперь. Душу рви. Скорей бы до дома добраться... Катьке позвонить, перетереть, выплеснуть тревоги-сомнения. И уж прости, Аринушка, кости тебе перемыть.

– ...Да я ж говорила тебе, Сань, не любит она его, это же ясно, как божий день! Подумаешь, свекровь кофточку не так постирала! Вместо того чтоб спасибо сказать! – шумела через полчаса в телефонную трубку Катька.

– Но ведь она и впрямь не просила меня, Кать... Наверное, Коля прав относительно правила Парацельса – про дозу, про яд...

– Это не Коля прав, а Парацельс прав, если уж на то пошло. Тем более это правило к тебе ни с какого боку не присобачишь, у тебя другая история. С твоей Ариной что большая доза, что маленькая, один хрен... В любом случае яд получается. Потому что говорю тебе – не любит она твоего Левку! Не любит!

– Да почему?! Что, у меня такой плохой сын, что его любить нельзя?

– Нет, Санька. Сын у тебя замечательный. Ну, по нынешним меркам, конечно. Не бандит, не нахал, не сволочь, не пьяница, деньги научился зарабатывать, к матери с уважением относится, сына родил – считай, жизненную программу наполовину выполнил. Да что я тебе рассказываю, ты же знаешь, как я твоего Левку люблю... Только все равно эта Арина его не любит.

– Почему?

– Ну, започемукала... Да потому! Если б любила, и тебя бы любила, а не раздражалась по пустякам! Я уж не стала тогда во всех подробностях, при Коле... Ты помнишь мою драгоценную свекровушку, а, Сань? Марью Петровну? Как она наезжала к нам домой из своего Мухосранска? Как отрывалась на моей бедной головушке? Вот это была свекровь так свекровь, со всеми классическими придирами и выносом мозга. Хуже, чем в анекдотах. Помнишь?

– Ну... И что? Что ты этим хочешь сказать?

– А то! Помнишь, как я все терпела? Как ее облизывала каждый раз? Ни разу ни словом, ни полсловом... Не дай бог губки пождать обиженно... И мне это легко было, Сань. Даже весело, знаешь! И без грамма всякого внутреннего раздражения! Потому что я Колю своего без ума любила. Потому что еще раз тебе объясняю – когда мужа любишь, и мать его автоматом любишь. Вот такие дела, Сань...

– Ладно, Кать... Считай, убедила. А только мне от этого вовсе не легче. Я тебе позвонила, думала, поддержишь меня, успокоишь как-то...

– Ой, да ладно, не прибедряйся. Никогда тридцать три кругом не бывает, чтоб и одно, и другое, и хороводом... Перемелется, мука будет. Все у тебя нормально, Сань. Как там внучок поживает? Здоров?

– Да, здоров. Завтра день рождения отмечаем, первый юбилей.

– Уже пять лет?!

– Ага...

– Надо же, как быстро время идет! А кажется, будто вчера свадьбу играли... Пойдешь на день рождения-то?

– Конечно! Куда ж без меня? Завтра с работы отпрошусь, стол накрою...

– А... Ну да, понятно. Все, как обычно. Ты ж у нас свекровь-героиня, опять впереди паровоза бежишь. Будто у Гришеньки родных мамки-папки нет, чтобы стол в день рождения сыну накрыть.

– Они работают, Кать, им некогда.

– А ты не работаешь?

– Ну, что я... Я отпрошусь. Завтра же пятница, может, моя Царевна Несмеяновна в добром духе будет, отпустит... Тем более у меня куча отгулов есть. Должна отпустить.

– Эх ты свою начальницу ловко обозвала – Царевна Несмеяновна! Сама придумала?

– Нет. От других услышала. А что, ей подходит, она ж никогда не улыбается. Марина Андриановна – Царевна Несмеяновна... Смешно, правда?

– Да, смешно...

– Ладно, Кать, пока, спать пойду. Завтра рано вставать, тем более день трудный. Да и опаздывать нынче нельзя – Царевна Несмеяновна шибко сердится, фыркать начинает. Боюсь, как бы в одночасье в угол на горох не поставила. Или на пенсию не выгнала.

– Не выгонит.

– Почему?

– А кто работать-то будет? Сейчас на уходящем в пенсионный возраст поколении все и держится, то есть на его работоспособности да порядочности. Молодежь, она не разбежится работать, понтов много, а толку мало. Так и твоя Несмеяновна – что она, дура, сама работать, когда у нее ты под боком есть?

– Ой, ладно... Не сыпь мне соль на рану. Пока.

– Пока... Надо же, как смешно – Царевна Несмеяновна...

* * *

На самом деле ничего смешного в прозвище начальницы не было. Настоящая Царевна Несмеяновна. И не в том ее проблема была, что не улыбнется лишний раз, а в том, что этим обстоятельством страшно гордилась. То есть пучилась возложенной на нее ответственностью, не зная, как лишний раз начальственность свою обозначить. То глаза сделает ужас какие холодные да надменные, то лобик наморщит многозначительно и начинает коготками по столешнице барабанить. Громко так, выразительно. Одно успокаивает – может, это у нее временное. Наестся апломбом досыта, человеком станет.

Их прежний начальник отдела, умнейший Сергей Иванович, ушел на пенсию. Вернее, его «ушли», потому что все сроки пересидел. И не волновало никого, что в свои семьдесят Сергей Иванович наработал огромный чиновничий опыт, вдобавок имел светлую голову и отличную память. Чиновничий мир злой, он молодых и наглых любит, которые на свежую голову за карьерой пришли. Таких любит, как Царевна Несмеяновна. И неважно, что она глупая. Главное, весь начальничий экстерьер при ней. И свирепое желание сделать карьеру. Такое свирепое оно только у глупых бывает, умные более мягко и хитро по этой стезе ступают.

Зря утром торопилась – Царевна и сама опаздывала. Вернее, задерживалась, следуя чиновничьей классике. Час прошел, другой... Нет Царевны! Интересные дела, а отпрашиваться у кого? Придется к начальнику департамента со своей просьбой идти, ничего не поделаешь. Перепрыгивать через Царевнину голову. Не одобрит, конечно, но...

– Привет, Александра Борисовна. Хорошо выглядишь, садись. Что у тебя? Только быстрее говори, у меня времени мало.

Слава богу, начальник департамента был из «своих», то есть из старого чиновничьего поколения. И с виду был такой – соответствующий. Не толстый, но плотненький. Нежно-розовое лицо, лысинка, мускусный запах парфюма. Ее одногодка, между прочим, вместе когда-то институт заканчивали. До пенсии ему самому пять лет, значит, не выгонит еще, даст поработать.

– Спасибо, Владимир Петрович. Я на минуту, отпроситься хотела. Моей начальницы чего-то с утра на месте нет.

– А... Так она на совещание в Управление юстиции пошла, я ее сам туда тусоваться отправил. А что, тебя разве не предупредила?

– Нет. С чего бы?

– Ну да... Она девица такая, с начальственным гонором. Протеже из Минфина, не помню уж чья... Слушай, откуда у них, у молодых, нынче столько апломбу, а? Мы вроде не такие были... Как она, кстати, не шибко тебя достает?

– Нет, терпимо.

– Ну, ладно. Ты учи ее помаленьку, хорошо? А то гонор гонором, но в голове тоже что-то завязаться должно. Знаешь, как сейчас в институтах учат, через пень-колоду. Возьмет и подставит тебя при случае под раздачу.

– Ну да. Или на пенсию выгонит.

– А что, боишься, да?

– Боюсь, конечно. Не хочу на пенсию, работать хочу. И безденежья боюсь, успею еще в безденежье.

– Так у тебя же сын, прокормит небось... Это у меня одни девки... Как он, кстати?

– Хорошо. Вот, внуку сегодня пятилетний юбилей отмечаем, потому и спрашиваюсь.

– Ух ты... Как время быстро идет. Поздравляю.

– Спасибо, Владимир Петрович! Так можно мне с обеда уйти?

– Конечно, Саш, чего там... Иди, празднуй. Да не жди обеда, прямо сейчас иди. Внук все-таки, святое дело.

– Ой, спасибо...

Еще бы не «спасибо»! В кассу супермаркета такая пятничная очередь образовалась, почти час в ней потеряла. Еще и подарок для Гришеньки долго выбирала... Купила машину большую, радиоуправляемую. Мальчик все-таки, пусть машиной играет. А то придумали каких-то дурных черепашек, совсем детям голову заморочили.

В квартире у ребят, как всегда, не убрано, везде следы утренних суетливых сборов. А еще гостей ждут... Две кофейные чашки с остатками черной гущи стоят на кухонном столе рядышком, будто целуются. Значит, завтракали вместе, уже хорошо. И со временем полный порядок. Времени – море, чтобы все приготовить. Еще и пропылесосить на скорую руку можно успеть.

К пяти все было готово, только Саша устала немного. Села на диван, расслабилась, закрыла глаза. Надо еще посидеть пять минут, а лучше полежать, отрешиться от всего, может, удастся в короткий сон улететь... Десять минут, не больше... Потом за Гришенькой в сад бежать надо...

Телефон, черт нахальный! Наглый, бесстыжий! Почему до сих пор не изобрели деликатных телефонов? Чтобы вели себя почтительно по отношению к хозяину? Чтобы отвечали абоненту – погодите немного, хозяин дремлет... Хозяин слышит, но дайте ему десять минут, будьте добреньки...

Придется ответить. А вдруг это Лева? Или Арина? О, да это вообще Царевна Несмеяновна о ней вспомнила! Рабочий день к концу подошел, а она вспомнила!

– Да, Царе... Ой! Да, Марина Андриановна, слушаю!

– Александра Борисовна, вы где сейчас? Вы дома?

Боже, какая истерика в голосе. Случилось что?

– Нет, я не дома, Марина Андриановна. Я сейчас пойду за внуком в детский сад. А что случилось?

– У нас ЧП!

– Что?! Какое ЧП?

– Из Госреестра потребовали срочную справку по фондам! Квартальную! А вы ее еще не делали, насколько я знаю!

– Ну да. Не делала. Потому что по срокам запас есть. В понедельник приду и сделаю, в чем проблема-то?

– Да они сегодня просят, в том-то и дело! Прямо сейчас! Там проверка какая-то с понедельника, что ли... Надо сегодня отправить, кровь из носу! Хоть к двенадцати ночи, но сегодня!

– Хм... Странно. А вы ничего не напутали, Марина Андриановна?

– Я?! Напутала?! Нет, я ничего не напутала! Что вы!

Ишь, как зазвенел голос гневной амбицией. Гордыня из-под страха вылезла, зашевелилась. Вспомнила, кто в разговоре дурак, а кто начальник.

– Хорошо, Марина Андриановна. Если надо, так надо, ничего страшного. Садитесь за мой компьютер, я вам скажу, где данные найти.

– Я?! За ваш компьютер?!

– Да. А что такое?

– Но... Но я же все равно не смогу эту справку сделать, я ее ни разу в глаза не видела!

– Хорошо, что вы предлагаете?

– Александра Борисовна, вам надо самой... Ну, или Светлане Юрьевне позвоните, пусть она придет...

– Светлана в отпуске, вы же знаете. Ее вообще в городе нет.

– Но я правда не знаю, как эту справку сделать!

– Да я вам объясняю! Там нет ничего сложного!

– Ну, может, для вас и нет... А я... А вдруг я что-то не так сделаю? Я даже близко не знаю, с какого конца подступиться... Пожалуйста, Александра Борисовна! Это же на уровне руководства распоряжение относительно справки...

– Хорошо. Я приду, Марина Андриановна.

– Когда?

– Через пятнадцать минут. Я тут недалеко нахожусь.

– Да, я жду...

Черт бы побрал Госреестр, справку и руководство вкуче с несчастной Царевной Несмеяновой! Но ничего ж не сделаешь, надо идти! Вот парадокс – начальников много, а обыкновенную справку сделать некому... А впрочем, обычная ситуация в чиновничьей жизни. Еще, как назло, третья сотрудница в отпуске... Если бы в городе была, выручила бы, она девушка покладистая. Но нет ее в городе, к маме на юбилей в область уехала.

Быстро оделась в прихожей, на ходу кликнула номер сына:

– Лева, у меня непредвиденные обстоятельства! Я не успею Гришеньку из сада забрать! Забери сам, ладно?

– А что случилось, мам?

– Да на работу надо... Кстати, я все делала, осталось только салаты заправить.

– Спасибо, мам. Что бы мы без тебя делали.

– Да что, что... То же самое, только сами.

– Ты сердисься, что ли?

– Нет, досадую. Говорю же, на работу вызвали.

– Значит, тебя не ждать?

– Нет, садитесь без меня, я позже приду. Да, подарок Гришин в прихожей стоит! Отдай сразу, скажи, от бабушки!

– Ладно...

Родная контора встретила пустым фойе, удивленным взглядом вахтера Семеныча.

– Забыла чего, Лександра Борисна?

– Если бы... Работать об эту пору заставляют, Семеныч. Представляешь?

– Это кто ж? Молодая свиристелка, которая нынче над тобой начальница?

– Ну, какая ж она свиристелка, не скажи... Нехорошо так говорить, Семеныч...

Саша зацокала каблуками вверх по лестнице, на второй этаж. Как тут гулко, когда никого нет.

Начальница сидела за своим столом в привычной позе, то есть до такой степени напрягши спину, будто вместо позвоночника там был железный штырь. Так и развернулась к ней вместе со штырем и с креслом. Шею тянет, лицо в строгости держит, но нервозность пальчики выдают, вцепившиеся в подлокотники. И чего расселась, нервничает? Шла бы ты домой, Пенелопа. То есть, простите, Царевна Несмеяновна.

– Идите домой, Марина Андриановна. Я сделаю справку и по электронке отправлю.

– Но как же... А подписать? Я же должна ее подписать...

Ах, вот оно как! Тебе главное – начальственной подписью обозначиться! Нет уж, дорогая, так дело не пойдет!

– Тогда садитесь рядом со мной, смотрите и учитесь! Лишние знания никогда не помешают, поверьте мне! Садитесь, садитесь...

Надо же, послушалась вдруг. Подъехала на стуле, сложила ручки на стол, как прилежная первоклассница, уставилась в монитор. Молодец, так-то правильнее будет. А то ишь... Справка пустяковая, а ты боишься ее как огня. Сиди, разумеешь, учишь не плевать амбициями в колодезь. Еще бы тебе правило Парацельса на лбу написать – про яд, про лекарство, про дозу... Чтобы спесь свою научилась дозировать, а то сама себя ею отравишь, как цианистым калием. Амбиции амбициями, но к ним бы еще знаний да опыта прибавить, вот тогда б тебе цены не было! Хотя в одном флаконе опыт с амбициями не раздают, к сожалению... Пока опыта набираешься, таких тумачков по амбициям нахватываешь, что со временем они сами отваливаются, как отмершая роговица. Знаем, всяких амбициозных видели на своем веку...

Пустяковая справка, да по времени получилась затратная. Еще и многие моменты основательно разьяснять пришлось, потому как Царевна Несмеяновна оказалась девушкой малограмотной, но весьма пытливей.

– Ну вот... Все готово, распечатываем... На, подписывай. Сканируй, отправляй по электронке.

Отвернулась от монитора, закрыла на секунду глаза, тронув веки фалангами пальцев. И тут же испугалась – что-то не то сделала... Что? Ах да, панибратство нечаянное выскочило, за языком не уследила...

– Ой, простите, Марина Андриановна! Простите, это я нечаянно на «ты» перешла! Устала, отключилась немного. Простите.

– Да ладно... Спасибо вам. Правда, спасибо...

А ничего, душевно прозвучало. С теплыми нотками в голосе. Давно бы так. А то – я начальница, я начальница...

– Александра Борисовна, вы торопитесь, наверное? Давайте я вас подвезу, куда вам надо?

– А который час?

– Без пяти восемь.

– Восемь?! Ого... Да, подвезите, очень обяжете. Тут недалеко... Сами-то никуда не торопитесь?

– Я? Нет... Мне некуда торопиться. Дома только мама ждет...

Вздохнула – и сразу открылась вся в этом вздохе. В этой тоскливости произнесенного – дома только мама ждет...

– Мама у меня когда-то занимала серьезный пост в Министерстве финансов. Вообще-то мы с ней дружно живем, но... Иногда, знаете...

Да понятно все с тобой, девочка, не вздыхай. Понятно, жизнь твоя не сахар, и даже не сахарин, как говаривала незабвенная тетя Лида. Слишком в тебе много волевой и властной мамы, и всю жизнь ты будешь себя ей доказывать, карьерными покушениями в том числе. Не надо мне твоих откровений, лишние они мне. В общем, избавь нас пуще всех печалей...

– Тогда давайте поторопимся, Марина Андриановна. А то меня внук заждался!

– Да, конечно, идемте! Сейчас, еще пару минут, я справку отправлю... Я быстро!

Царевна и впрямь подсуетилась – домчала ее за пять минут. За всю дорогу не проронила ни слова, сидела на своем водительском кресле, поджав губы. Расстраивалась, наверное, что вдруг откровением обнажилась, нанесла удар по начальственному авторитету. Глупая, глупая девочка. Да мне бы твои заботы...

Саша выскочила из машины, не забыв отправить в холодное пространство вежливое «спасибо», быстро пошла к подъезду. Лифта ждать не стала – чего там, третий этаж. Ага, вот и музыка едва слышна... И сигаретным дымом на лестничной площадке несет. Уже хорошо – значит, курильщиков за дверь выгоняют. День рождения детский, как-никак. Хотя там детей должно быть – раз, два и обчелся... У Лены с Максимом Потаповых, Левиных друзей, шестилетний Сережка, и у Маши, двоюродной Ариной сестры, пятилетняя Дашенька. Остальные друзья и родственники бездетные. Сплошные женофобы и чайлд-фри, давно поднадоевшие друг другу и даже невинного кокетства меж собой не допускающие.

Открыла дверь своим ключом, вошла в прихожую, быстро скинула куртку. Из гостиной слышны веселые голоса, звонкий голосок Елены Камбуровой взвывает вверх свои «крылатые качели». Насчет музыкального сопровождения – молодцы, фон праздника выдерживают. Хватило ума «взрослую» музыку не включить, и то хорошо.

Заглянула в гостиную... О господи. Детский сад, старшая группа. Все ползают на коленях, собирают конструкцию черепашьего домика. Причем взрослые дяди и тети с большим энтузиазмом это делают, увлеклись. Вернее, заигрались. Детки-то, похоже, у них на вторых ролях. У Гришеньки выражение лица счастливое, но самую чуточку изумленно-обиженное. И ни Арины, ни Левы в гостиной нет...

Сунулась в ванную, чтобы помыть руки, и столкнулась нос к носу с Ариной. Даже испугалась – что это с ней? А, понятно, телефон к уху прижала, вся там, в разговоре... В глазах туман, смотрит на нее и не видит, брови сдвинуты к переносью изломом. Что-то в этом изломе... Будто страдание какое. Потом спохватилась, мелькнула полуулыбкой, выскользнула из ванной слишком торопливо, освобождая ей пространство. И заметалась в коридорчике, как слепая птица, не зная, куда ей приткнуться со своим телефоном. Ага, в спальню пошла. И дверь за собой плотно прикрыла...

На кухне полный раздрай. На столе, в мойке горы грязной посуды, остатки торта на тарелках. Стало быть, чай уже пили. А свечи на торт для Гришеньки?! Неужели про свечи забыли? А, нет, не забыли... Вот они, обгорелые, лежат в блюдце. Что ж, надо приступать к разбору авгиевых конюшен... Или не надо? Или сами разгребут? Лучше бы, конечно, Гришеньку забрать да домой поехать, а они пусть дальше веселятся. Тем более ему скоро спать пора. Надо слевой посоветоваться... Но где он, Лева?

– Ой, Александра Борисовна, здравствуйте... – влетела на кухню Лена Потапова, раскрасневшаяся, нарядно зеленая, как бабочка-капустница. – Как вы тихо пришли, даже никто не слышал... Индейка получилась просто изумительная, рецептик дадите? А то меня Максим весь вечер пилит – ты, мол, так никогда приготовить не сумеешь...

– Дам, Леночка, конечно. О чем речь.

– Ой, мне бы такую свекровь, как вы, Александра Борисовна! Вы же чудо, а не свекровь! Да чтобы у нас так... Чтобы Максимкина матушка пришла заранее да стол для гостей накрыла... Да она скорее моюстряпню раздраконит, ей это больше удовольствия доставит! Но, как говорится, на то и свекровка... Я уж как-то к ней попривыкла. А вы общую картину портите, Александра Борисовна, создаете обидный прецедент! Получается – чем я хуже Арины? Я тоже так хочу... Я бы такую свекровь, как вы, на руках носила, честное слово!

– Значит, не любишь свою родную свекровку, да?

Хотела спросить шуткой, а выскочило довольно грустно. И Лена вмиг посерьезнела,глянула на нее с осторожностью.

– Почему? Нет, я этого не сказала... Она же мама моего мужа, этим все сказано. Если я ее не буду любить, Макс расстроится. А мне его жалко будет. Нет, что вы...

– Понятно, Леночка, понятно... Ты молодец, умная девочка, и семья у вас хорошая получилась. А где Лева, не знаешь?

– Да здесь где-то... А, наверное, он на балконе, с Ладой. Ей плохо стало, повел подышать.

– А кто это – Лада?

– Да какая-то приятельница Арина, что ли... Из недавних, наверное. По крайней мере, я ее впервые вижу. Ой, вы извините, Александра Борисовна, там ребята ждут! Меня ведь за шампанским отправили... Можно я шампанское возьму?

– Да, конечно...

Лена мягко скользнула к холодильнику, хлопнула дверцей, выскочила из кухни, держа добычу за серебряное горлышко. Да, праздник, похоже, затянется надолго... Пора, пора Гришеньку увозить.

Шагнула к балконной двери, потянула на себя. Вкусный апрельский ветерок скользнул мимо, опахнул горячее лицо, и ворвался вместе с ним в кухонное пространство женский голос – напряженный, на страдальческой высоко-слезной ноте:

– Она не любит тебя, Лева! Не любит! Неужели ты сам не видишь? Ты что, слепой, да? Совсем слепой?

– Я не слепой. Не кричи, Лада.

– Я не кричу... Нет, я не кричу, я плачу, Лева! Мне же обидно за тебя, как ты не понимаешь?

– А по-моему, ты просто перепила шампанского. Вот и все.

– Шампанского?! Ты... Ты это серьезно? Нет, ты и впрямь слепой... Или так старательно притворяешься? Да неужели ты сам не видишь! Она ведь даже не скрывает... Она с этим Глебом в открытую встречается! Вон, уже битый час по телефону с ним треплется! Да что я говорю, ты и сам знаешь! И все давно знают. И про нас с тобой тоже знают...

– Замолчи, Лада. Замолчи, слышишь? Я сам со своей женой разберусь.

– С женой? Ха, с женой... Да она давно тебе не жена! А я... Я же люблю тебя, Лева... Люблю... Ты сам знаешь, как я тебя люблю! Я больше не могу так, не могу, Лева!

– Тихо, успокойся, пожалуйста. У тебя истерика. Вон, косметика вся размазалась... Хочешь, воды принесу? Погоди, я сейчас...

– Не надо мне воды! Не уходи от меня, Лева! Куда ты...

Саша метнулась от балконной двери как испуганный заяц. Сердце в груди запрыгало болезненно и звонко, полетело куда-то, как отбитый сильным ударом ракетки теннисный мяч. Нет, даже не теннисный, потому что он мягкий и сильный; ее сердце скорее похоже на маленький целлулоидный шарик, которым играют в пинг-понг. Ударили по нему – зазвенел болью...

– ...Что с вами, Александра Борисовна? – нарисовалась в дверях Арина.

Сердце-шарик ударилось об ее твердый взгляд, ринулось обратно к балконной двери, в которой уже показалась плотная фигура Левы.

– А, понятно... – саркастически усмехнулась Арина, прищуриив глаза. – Это вас Лева с Ладкой напугали, да? Услышали, как пьяная Ладка на балконе отношения выясняет?

– Арина, прекрати, – раздраженно бросил Лева, хватая пальцами за горлышко бутылку минералки. – Не начинай, а? Прошу тебя, не при маме... И при гостях тоже не надо... У нас сегодня праздник, день рождения нашего сына, ты не забыла?

– Да я-то как раз не забыла. А вот ты, похоже, забыл. Что, не могли в другом месте определить, кто кого больше любит? Обязательно это надо на нашем балконе выяснять? Хотя бы матери своей постыдился. Вон, на ней лица нет.

Саша открыла было рот, чтобы хоть что-то сказать, чтобы прекратить это... Это безобразие, эту неправильность, этот стыд... Разом прекратить, одним словом! Только бы найти его, это спасительное слово, срочно придумать! Может, крикнуть на них, топнуть ногой, заплакать, наконец?

Не успела. Из-за Левиного плеча с балкона вынырнула роскошная блондинка с багрово заплаканным кукольным личиком, с черными разводами под глазами. Лада, стало быть. Да уж, эта Лада была явно в состоянии хмельного аффекта... Едва на ногах стоит, вся слезно-расквашенная. И очень воинственно настроенная.

– На балконе, говоришь? – зло бросила она в сторону Арины. – А я и не на балконе имею право, я и при всех могу про тебя рассказать! Хочешь? Да что рассказывать, и без того про твоего Глеба всем давно известно! Любишь его, так честно люби! Открыто! А Леву ты не любишь, а мучаешь!

– Ти-хо... – сморщилась страдальчески Арина, выставив перед глазами ладони с растопыренными, нервно подрагивающими пальцами. – Тихо, гости услышат... Ради бога... Можно подумать, вы слевой святые...

– Да ты же сама меня с ним познакомила! Ты меня подложила под него фактически! Ты, ты все это устроила! А я влюбилась, да! Честно влюбилась!

– Ну и поздравляю... – пожала плечиком Арина, нервно усмехнувшись. – Влюбилась, и радуйся жизни... Чего истерить-то?

– Ах ты... – задохнулась хмельной злобой Лада. – Он что тебе, игрушка, что ли? Ты возомнила себя Карабасом-Барабасом, да? Дергаю за веревочки, кого хочу и когда хочу?

– Ага. Точно. А ты у нас, стало быть, прекрасная Мальвина, – тихо проговорила в ответ Арина, усмехнувшись. – Все, хватит выступать, спектакль окончен. Собирайся, иди домой. Тебе такси вызвать или сама дотопаешь?

– А я без Левы никуда не уйду. Я его здесь не оставляю – игрушкой в твоих руках. Поняла?

– Да что ты, милая? Давай, давай, собирайся... Лева, уведи ее, стыдно смотреть на это непотребство. Ну, чего ты застыл?

Лева и впрямь стоял каменным столбом, засунув кулаки в карманы брюк и низко опустив голову. Потом поднял глаза на жену, усмехнулся зло. Хотя скорее не зло, а устало. Безысходно как-то.

– Лёв, давай завтра обо всем поговорим, не сейчас же... – встретила его взгляд Арина, и, резко развернувшись к Саше, произнесла вдруг на отчаянно покаянной ноте: – Извините нас, Александра Борисовна! Извините, что так получилось. Я правда не хотела. И Лева не хотел. Извините – вовлекли вас во все это дерьмо...

Наверное, надо бы Арине ответить что-то. Для начала хотя бы поднять глаза... Стыдно, боже, как стыдно. Больше за Леву стыдно. И почему он молчит? Он ведь и впрямь не игрушка, чтобы тягать его в разные стороны! Он никогда игрушкой ни в чьих руках не был!

– Я тебе сейчас такси вызову, Лада... – услышала наконец Саша голос сына. Тоскливый голос, равнодушный.

– Лева... Левушка! Да как же! – слезно запричитала блондинка, цепляясь за его локоть и пытаясь развернуть к себе. – Теперь-то уж чего, когда все как есть выяснилось? Ну давай

уже вместе уйдем, а? Все и всем уже понятно... Все равно Арина к этому Глебу уйдет рано или поздно...

В голове у нее вдруг что-то взорвалось наконец. Наверное, возмущение этим безобразием, пусть и запоздалое. Лучше поздно, чем никогда.

Саша шагнула вперед, глянула в хмельные глаза блондинки Лады и зло проговорила:

– Значит, так. Никуда он с вами не пойдет, оставьте эту затею. Ни сегодня, ни завтра, никогда не пойдет. Он будет жить здесь, со своей семьей. У него здесь дом, у него семья, понимаете вы это или нет? У него сын! У которого, между прочим, сегодня день рождения! А вы устроили тут... Вертеп! Прошу вас, уходите немедленно!

Лада вдруг жалко улыбнулась, медленно прикрыла опухшие от слез глаза, как больная птица. Глянула снизу вверх на Леву, всхлипнула, закрыла лицо руками, заплакала тихо, с надрывом. Потом пробормотала, заикаясь на каждом слове:

– И... Извините меня... Я и правда... Я его очень люблю... И...звините...

– Уходите, Лада! Лева, вызови ей такси! Да делай же что-нибудь, что ты стоишь как пень?!

Прозвучало некрасиво, конечно, подумала Саша, почти визгливо, по-бабьи, на противной приказной ноте. Наверное, любая мать теряет контроль над эмоциями, если попадает в подобную ситуацию. Какие тут нервы выдержат? Наверное, ей надо было уйти еще в начале разборок. Нет ведь, стояла, слушала, не могла с собой правильно совладать. Растерялась. Сама виновата, получай...

– Мам, ну хоть ты не начинай, а?..

Слишком тихо последнее «а» прозвучало. Обманчиво тихо. Но Саша все равно поняла, все равно услышала. И даже физически почувствовала, как оно надрывным звоном прокатилось по кухне, вошло в нее по-хозяйски, опалило холодным гневным огнем. Да, это накопившаяся Левина дурная энергия нашла выход. Слепая энергия, злая. Энергия молчаливого отчаяния. Энергия грустного семейного обстоятельства, обмана, взаимной лжи... Видно, долго моталась в клубок, и не один день. Слишком крутой замес получился. Концентрированный. Тяжелый.

– Что ты вмешиваешься все время, мам?! Кто тебя просит вмешиваться? Что ты указания даешь, как мне жить? Я сам разберусь, где мне жить, с кем мне жить, понятно?!

– Да, сынок...

– Что ты меня пасешь все время? Все, хватит! Не вмешивайся в мою жизнь!

– Да, сынок, да... Не надо, хватит. Да, я поняла. Я... Я домой поеду, поздно уже. То есть я с Гришенькой поеду... Арина, собери его, пожалуйста.

– Конечно, сейчас! – подхватила Арина, глядя на Леву с испугом и немного с презрением. – Пойдемте к гостям, Александра Борисовна...

Они вместе вышли из кухни, оставив Леву с Ладой слегка обескураженными ее бегством. Арина молча открыла дверь в гостиную, и все присутствующие в едином порыве повернули к ним улыбающиеся лица.

Наверное, на фоне их лиц Сашино лицо выглядело совсем неправильным, глуповатым, натужно улыбающимся. А каким должно быть лицо у человека, которому надо во что бы то ни стало сдерживать рвущиеся наружу слезы? Который поймал в себя ненароком дурную энергию? Тем более на которого свалились такие горестные открытия?

И еще – наверняка от нее флюиды горестной растерянности исходят во все стороны. Потому что улыбки тут же сползли с лиц гостей, веселый настрой праздника утонул в неловкой паузе. Вот Лена Потапова глянула на часы, дернула мужа за локоть, шепнула что-то на ухо. Тот кивнул головой, поманил к себе сына, скомандовал коротко:

– Сережка, собирайся! Домой пора. Детское время кончилось.

– Да, и нам тоже пора... – озабоченно подхватила дочку на руки сестра Арины Маша. – Можно мы с вами, ребята? Лен, подбросите нас до дома?

– Да без вопросов... Собирайтесь, пошли.

Вслед за ними начали собираться и другие гости, не забыв обласкать Гришу взрослым рукопожатием. Хотя выражение лица у мальчишки было слегка обиженное.

– Гриш... – села Саша рядом с внуком на диван. – Поехали ко мне, а? Завтра же выходной... С утра проснемся и сразу рванем в зоопарк! Вдвоем! Здорово же! Устроим продолжение дня рождения!

– И сладкую вату мне купишь?

– Конечно!

– И мороженое?

– Да! Все по полной программе!

– Ну, тогда ладно...

– Поехали, мой золотой. Иди одевайся. А я пока такси вызову...

Такси приехало быстро, пришлось выходить из квартиры вместе с гостями. А может, это и хорошо, потому как в общей сутолоке можно было «забыть» попрощаться слевой, то есть не глядеть ему в глаза. Иначе Саша точно бы не смогла слезы в себе удержать. Как же это трудно – слезы в себе держать, когда взбудораженное нутро их наружу выталкивает!

Арина наклонилась к сыну, чмокнула в щеку, поправила шарфик на шее:

– Ну все, Гришенька, слушайся бабушку... Два дня у нее погостишь, субботу и воскресенье. Веди себя хорошо, ладно?

– Ладно, мам...

В такси Гриша неуклюже копошился в детском сиденье, устраиваясь, как птенец в сиротском гнезде, потом вскрикнул испуганно:

– Бабушка, мы же игрушки новые дома оставили! Я не наигрался еще!

– Ничего, Гришенька, наиграешься, успеешь. Ты только не засыпай, пока едем, ладно? А то мне тебя до подъезда не донести, сил нет...

Сил и правда никаких не было. Мелкое дрожание внутри было, а силы напрочь иссякли. Наверное, принятая от Левы энергия творит потихоньку свое злое дело, растекается отравой по организму. Ох, какая она ядрено тягостная... Теперь понятно, что в себе носил бедный Лева, какие камни... Конечно, в семейной драме одного виноватого не бывает, но камней этим постулатом не облегчить. Да, тяжелые. Выплакать бы их, смыть слезами, но не сейчас, не время еще. Надо домой приехать, уложить Гришеньку спать, вот тогда... Тогда и поплакать, и поразмыслить над новыми обстоятельствами сыновней жизни.

Саша глянула на внука, затормошила ласково:

– Не спи, не спи, Гришук! Потерпи еще пять минут! Видишь, уже на нашу улицу завернули... Сейчас приедем, поднимемся домой, зубки почистим, ножки помоем и спать...

– Ба... А можно я сегодня не буду зубки чистить и ножки мыть?

– Это почему?

– У меня же день рождения! А когда у ребенка день рождения, ему все можно! Так папа говорит! Можно, ба?

– Можно. Тем более если папа говорит...

Ладно. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в такси не заснуло. Сейчас за угол свернем, а там арка во двор, приехали.

Гриша заснул тут же, едва успел раздеться и обнять под одеялом плюшевого зайца, старенького, служившего в свое время сонным приятелем и маленькому Леве. Саша вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь...

Все. Можно плакать. Можно сесть на кухне, сложить руки ладонями на стол и плакать. Но опять беда – слезы куда-то пропали. В голове пустота бестолковая, перепуганная, ни одного промелька здоровой мысли. А собиралась посидеть, поразмыслить! Надо же как-то принимать новые обстоятельства. Надо. Но как?

А может, и не пробовать сегодня? Все равно никаких сил нет. Может, добить себя хорошей порцией корвалола да залечь в постель? Говорят, с бедой надо переспать. Любыми методами, но переспать. И еще – утро вечера мудренее. А ей именно это и нужно, чтобы оно было мудренее. Иначе – как жить с утра? Улыбаться внуку, овсянку варить, в зоопарк идти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.